

Лим Чинпён · Ко Хиын

СТРАННЫЙ МАГАЗИН ПЛАСТИНОК

В ПУНЧЖИНДОНЕ

Книга
о спасении
от одиночества

Хилинг-романы,
что теплом
оседают
на сердце

Для поклонников
«Видеопрокат
"Дон Кихот"»!

Хилинг-бестселлер Южной Кореи!

Лим Чинпён
Ко Хиын
Странный магазин
пластинок в Пунчжиндоне
Серия «Хиты Кореи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73169948

Лим Чинпён, Ко Хиын. Странный магазин пластинок в Пунчжиндоне:

АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-176675-7

Аннотация

Каким может быть средство от одиночества? Способно ли оно уместиться в простую виниловую пластинку? Какая музыка спасет от гнетущих мыслей?

Чонвон долгое время страдал от депрессии, не зная, зачем продолжает жить. Открыв свой «Странный магазин пластинок», он надеялся найти хоть какой-то смысл своего существования. Его двери всегда открыты для уставших духом и изнуренных от суматохи будней людей. Для каждого он подберет свою особенную песню, которая поможет пережить самые тягостные дни. Способна ли музыка спасти даже самого отчаявшегося человека?

Содержание

Пролог. Нас спасает винил	6
Глава 1. Чонвон	14
Соната для арпеджионе D.821	14
Yesterday Once More	21
В мире этом беспокойном...	26
Токката и фуга ре минор, BWV 565	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ко Хиын, Лим Чинпён Странный магазин пластинок в Пунчжиндоне

#####, ### LP##

The vinyl Shop and Visitors

Copyright © 2024 by Lim Jin Pyung & Koh Hee Eun
All Rights Reserved.

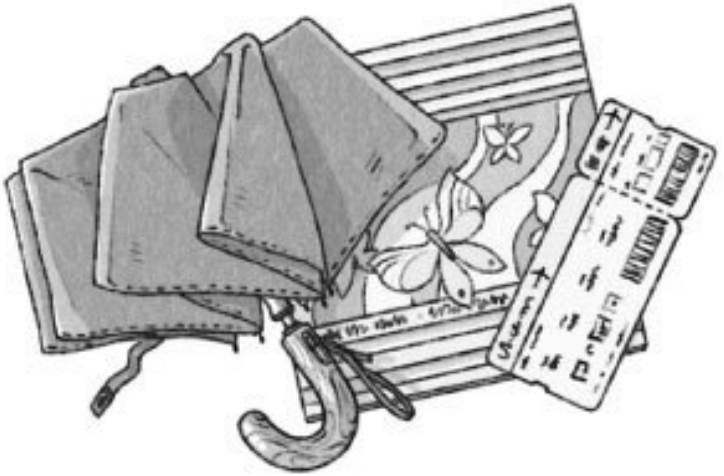
Illustrations copyright © Banzisu

© М. И. Тарасова, перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Пролог. Нас спасает винил

Дождливым будет ли тот день, когда ты от меня уйдешь?

Странное дело: все люди, встречавшиеся Чонвону за последний год, как один либо страдали от одиночества, либо были морально изнурены, либо и то и другое. Хотя, если честно, ничего странного в этом нет.

Прошло уже больше года с тех пор, как Чонвон ненадолго отложил решение покончить с собой и, внося аренду за два

месяца вперед, открыл «Странный магазин пластинок», где продавал подержанный винил. Конечно, сейчас так называемые пилигримы уже не заполняют магазин с утра до вечера, как это было год назад, однако день за днем сюда по-прежнему приходит немало посетителей. Пилигримами себя прозвали люди, которые в первое время после открытия активно рассказывали миру о новом начинании Чонвона.

Среди множества пилигримов, что заглядывают в этот магазин, есть и те, чьи истории особенно интересны. К примеру, как-то раз зашла женщина, на вид кореянка, но корейский знавшая плохо. По ее рассказам, свои скромные знания языка она приобрела лишь благодаря к-поп, которым увлеклась в тридцать с лишним лет. Объяснив, что в раннем детстве ее удочерила американская семья, она с помощью переводчика на телефоне спросила: «Не могли бы вы порекомендовать мне какой-нибудь корейский альбом, вышедший в 1986 году?»

Чонвон, также через переводчик, поинтересовался, почему год должен быть именно 1986, на что посетительница ответила: это был год, когда она родилась в Южной Корее, и ей хотелось бы купить альбом себе на память.

Хозяин магазина подошел к полкам с корейскими альбомами 80-х годов и без долгих раздумий выбрал одиннадцатый полноформатник группы Sanulgrim, выпущенный в 1986 году. Хотя альбом и вышел под названием Sanulgrim, по сути, это была сольная работа Ким Чханвана, лидера

группы. Чонвон вручил женщине пластинку и показал, где находится уголок для прослушивания.

Примерно спустя час посетительница вернулась с влажными глазами и поблагодарила за хорошую рекомендацию. Когда Чонвон спросил, какая композиция понравилась ей больше всего, та ответила, что песни ей понравились все, но особенно в душу запал заглавный трек, третий по счету на стороне А – «Дождливым будет ли тот день, когда ты от меня уйдешь?».

Прошло около месяца, и женщина появилась в магазине снова. Сказала, что через несколько часов уже будет сидеть в самолете до США, и Чонвон поинтересовался, хорошо ли она провела этот месяц в Корее. Она будто ждала этого вопроса и тут же рассказала о том, как прошла ее встреча с биологической матерью.

Увидев ее впервые за почти сорок лет, та не могла взглянуть дочери в глаза и лишь долго повторяла слова извинений. А ей хотелось спросить о том, что волновало мать все те годы, пока она, носившая клеймо приемного ребенка, жила в стране людей с другим цветом кожи: почему единственным возможным выбором для ее родной матери стало бросить свою собственную дочь? Но ответ на этот вопрос, смешавшись со слезным потоком, как будто бы уже уплыл куда-то далеко, и ее интерес угас сам собой.

– Причину-то я узнала, почему она тогда так поступила,

почему не могла иначе. Только вот, даже выслушав ее, не знаю, возможно ли принять это за причину. Наверное, я бы еще смогла понять, скажи она, что внезапно началась война и мы разлучились в хаосе эвакуации. – Горько улыбнувшись, женщина замолчала.

Не зная, ожидает ли она ответа на свои слова, Чонвон колебался что-либо сказать. Однако, словно отрицая это, посетительница продолжила:

– На протяжении жизни мы множество раз совершаем определенный выбор и думаем, что на каждый из них у нас есть причина. Но правда ли это так? Возможно, бросить меня не было маминым выбором. Возможно, она невольно оказалась в трудной ситуации, а к этому всему некстати добавилась еще и я. Ей просто не повезло. Но знаете что? Случилось нечто крайне удивительное. Сказать честно, я заглянула сюда снова как раз-таки для того, чтобы вам об этом рассказать. – С ее лица сошло то неопределенное выражение, с каким она говорила до этого, и во взгляде появился блеск.

А рассказ ее состоял в том, что такой же альбом Sanulgrim, какой посоветовал ей купить Чонвон, она обнаружила в доме биологической матери. Но не то чтобы та увлекалась коллекционированием пластинок, нет: у матери не имелось даже проигрывателя, на котором их можно было бы послушать, да и вообще музыка ее никогда особо не интересовала. Так как же тогда у нее в квартире оказался этот альбом? Да еще и лежал на самом видном месте.

В тот день, в 1986 году, когда ее родная мать по тем или иным причинам оставила в доме малютки своего ребенка, которому едва исполнилось сто дней, шел дождь. Она возвращалась домой, и вдруг до ее уха донеслось тихое звучание песни:

*Дождливым будет ли тот день,
Когда ты от меня уйдешь?
Пока рыдает о разлуке небо,
В моих глазах – все так же сушь.
Печаль – история другого дня.
Но слезы лить я буду долго.
Расстанемся ли мы, когда
В моей руке твоя намокнет?*

Песня играла в магазине с виниловыми пластинками. Несмотря на проливной дождь, она вдруг рухнула на сырую землю, не думая ни о прохожих, ни о чужих взглядах, и громко зарыдала. Проплакав довольно долгое время, она наконец поднялась и, промокшая до нитки, зашла в магазин пластинок, где попросила продать ей ту, песня из которой играла немногим раньше. И хоть за последние сорок лет она множество раз переезжала из одного дома в другой, альбом всегда оставался с ней.

Каждый раз, когда пластинка попадалась на глаза, мать вспоминала о брошенной ею ребенке, и сердце разрывалось от боли. Но она думала, что так и должно быть: ей никогда

нельзя становиться счастливой, она обязана страдать. Функция альбома состояла в том, чтобы не позволять ей предаваться радостному настроению, поэтому он всегда находился на самом видном месте.

Когда она смотрела на пластинку, по какой-то необъяснимой причине у нее даже возникало ощущение, будто покинутый ею ребенок жил рядом. Однако у нее никогда не возникало мысли купить проигрыватель и послушать композицию, которая играла в тот день. Наверное, ей казалось: стоит только услышать эту песню снова – и она упадет и уже не сможет подняться.

Выслушав рассказ своей биологической матери, женщина без слов ее обняла. Вздрагивая узкими плечами, та снова рыдала в объятиях дочери.

«Она так много плачет», – подумала женщина. Дождавшись, когда слезы утихнут, она открыла свой чемодан и показала ей альбом, купленный в «Странном магазине пластинок» Чонвона: точно такой же, какой хранила все это время ее родная мать.

В отличие от того далекого дождливого дня, день, когда она снова покидала Корею, был лучезарным как никогда.

Люди зачастую сравнивают жизнь с марафоном. Он не заканчивается так же быстро, как стометровка, и у него не совпадают линии старта и финиша. Пока бежишь дистанцию в 42 195 метров, обязательно появляются мысли все бросить,

но к победе можно прийти, только если преодолеть боль. Наверное, этим марафон напоминает наши жизни. Но Чонвон считал немного иначе. Каждый раз, когда он останавливал взгляд на вращающейся на проигрывателе пластинке, его посетила мысль: может, в жизни нет линии старта и какой-то отдельной линии финиша? Что, если жизнь – это движение по кругу, в конце которого мы возвращаемся в исходную точку? Пластинка крутилась так же, как день за днем Луна крутится вокруг Земли, а Земля – вокруг Солнца. Чонвону это нравилось. Ведь в мире, который вертится по кругу, никто никого не опережает, никто ни от кого не отстает, а значит, нет и нужды спешить. А что важнее всего, даже если день за днем одно и то же солнце неизменно приносит с собой то же самое утро, мы уже не такие, какими были вчера.

Женщина сказала, что ей пора в аэропорт, и в спешке ушла, после чего Чонвон подошел к стене, сплошь облепленной стикерами от пилигримов, и нашел среди них оставленный минутами ранее. На английском языке на нем было написано:

В этом странном магазине продаются только старые пластинки. Но, купив одну, я поняла, что приобрела нечто гораздо большее. Это был не просто альбом, а кусочек ностальгии.

Желание умереть, когда-то навещавшее Чонвона ежедневно, он смог полностью стереть из сердца благодаря «Странному магазину пластинок» и посещавшим его пили-

грамм.

Глава 1. Чонвон

Соната для арпеджионе D.821

Остановиться на последнем шаге между решением уйти из жизни и его осуществлением Чонвона заставила музыкальная пластинка. В тот момент из тысяч альбомов на глаза ему попался один из отцовских, очень им любимый, –

«Соната для арпеджионе D.821» в исполнении Гэри Карра. Да. Перед смертью Чонвон решил послушать эту пластинку в последний раз.

– Чонвон, прислушайся к звуку контрабаса. Он играет в последних рядах, отвечает за самый нижний регистр, без которого, казалось бы, можно и обойтись, но без него оркестру никогда не достичь полноценного звучания. А знаешь, что еще интереснее? На этом инструменте, который, как считают люди, служит лишь для заполнения пробелов в оркестре, кто-то безупречно играл Баха и Шуберта. Разве это не потрясающе?

«Ух ты, и правда! Действительно потрясающе, папа! А этот кто-то и есть Гэри Карр, да?» – как было бы здорово, ответить ему Чонвон с подобным воодушевлением. Тогда папа, наверное, с радостью продолжил бы свои бесконечные рассказы о музыке. А потом его, конечно, пришла бы уговорить мама.

Однако папа не получил от Чонвона реакции, какую мог бы тогда ожидать. Не потому, что его рассказы были ему неинтересны – совсем наоборот. Но он никак не отреагировал. Для маленького Чонвона это было обычным делом. В тот самый момент, когда он собирался проститься с жизнью, вместе с этим пустяковым воспоминанием в памяти всплыл образ отца. В противоположность другим детям-сверстникам, не скупившимся на смех и слезы, его сын не отличался

живостью мимики, и, может быть, поэтому лицо отца нередко выражало эмоции как будто за двоих. Изменилось бы что-либо, если бы тогда Чонвон ответил отцу с чуть большим энтузиазмом, если бы немного раньше осознал, что чем-то отличается от обычных людей, и стал тренировать свое безэмоциональное лицо выдавать подходящие гримасы? Конечно, сейчас эти размышления не имеют смысла, как и бывает со всякого рода сожалениями. В тот день отец Чонвона, должно быть, хотел объяснить своему лишенному эмоций маленькому сыну, что, какую бы жизнь он ни прожил – блистательного солиста, утопающего в аплодисментах, или же незаметного контрабасиста, подобно тени создающего фон для других инструментов, – любая из них будет значима. Но спустя время Чонвон, в какой-то степени освоивший навык выразительности, понял: большинство наставлений, которые он слышал от отца, тот, похоже, хотел дать самому себе и тем самым в каком-то роде оправдать тот факт, что его собственная жизнь довольно рано оказалась провалом.

Поэтому, наверное, Чонвон впоследствии прошептал перед траурной фотографией отца:

– А жизнь всегда такая? Колышешься из стороны в сторону в обнимку с этим гигантским контрабасом, а для него уже никто не пишет музыку. Не знаю насчет Гэри Карра, но вытерпеть беспорядочный джаз Чарльза Мингуса мне было очень уж тяжело. Хоть и говорю об этом, правда, только сейчас.

Поставив на проигрыватель пластинку Гэри Карра, выпущенную на японском лейбле King Records, между первой и третьей частями шубертовской сонаты Чонвон бродил на грани жизни и смерти – по той короткой дорожке, что проложила за собой игла от Shure¹. На обратной стороне альбома также имелись композиции Рахманинова и Сен-Санса, однако доходить до них не было необходимости. Если уж и слушать Рахманинова, то для такой ситуации больше подошла бы симфоническая поэма «Остров мертвых»; у музыки же Сен-Санса слишком суетливый ритм, как ее ни исполняй.

За последний год в жизни Чонвона ничего не происходило так, как он того ожидал. Правда, если подумать, это не только про последний год, а про всю его жизнь. Так что, пусть и не совсем в новинку, в этот раз дела для него обстояли немного по-другому. Хотя нет, лучше сказать: все кардинально изменилось. Продержавшись этот год в живых, Чонвон стал, как сейчас говорят, инфлюенсером и теперь даже проводил лекции перед незнакомыми людьми. Как это вообще было возможно? Он по-прежнему не знал наверняка. Но как бы там ни было, сегодняшняя лекция называлась «История успеха „Странного магазина пластинок“». И название ей придумал не Чонвон: так значилось уже в рекламных материалах, которые он получил от Но Чинчжу, представителя Федерации микропредприятий Кореи, которая и заказала

¹ Shure – американская компания – производитель звукового оборудования. До 2018 года продавала картриджи и иглы для виниловых проигрывателей.

ла лекцию. По словам Но Чинчжу, об успехе своего бизнеса Чонвон мог рассказывать неформально, как будто просто хвастаясь перед близкими друзьями. Но видеть в названии лекции слово «успех», да еще и выделенное жирным шрифтом и другим цветом, было для него все так же непривычно. За тридцать с лишним лет Чонвон ни разу не мечтал и не заикался об этом самом успехе, о котором не переставая говорили люди вокруг. В его жизни успеха не было. А, нет, однажды все-таки был: если подумать, в тот день, когда младший брат Чонан сообщил ему, что его приняли в исследовательский центр, куда тот хотел попасть после окончания магистратуры, у Чонвона возникло ощущение успеха, – хоть, строго говоря, достижение это и принадлежало целиком младшему брату.

Как уже говорилось, год назад Чонвон собирался распрощаться с миром. Настроен он был тогда достаточно серьезно и смог хладнокровно дойти до последнего шага детально продуманного плана. Взобравшись на умышленно выбранный неустойчивый стул, он подобно галстуку накинул на шею толстую веревку, крепко-накрепко привязанную к потолку. Ему стоило всего лишь толкнуть стул ногой, дать гравитации сломать его шею – и прощание бы свершилось, как он и хотел. И все же... Чонвон этого не сделал. Но не потому, что в последний момент струсил перед лицом смерти или не смог отпустить свою жизнь. Единственной причиной тому стала музыкальная пластинка, а точнее, 6312 пластинок.

Однажды Чонвон прочел книгу, автор которой занимался утилизацией вещей, принадлежавших умершим в одиночестве людям. Точной формулировки он не помнил, но в книге ему встретилась такая фраза: вещи, от которых приходилось избавляться автору, это не просто вещи, а свидетельство чьей-то жизни, ее часть. Простое предложение, ничего особенного.

В момент, когда Чонвон подошел вплотную к смерти, ему вспомнились эти слова. И тогда он вдруг осознал, что его пластинки – не просто предметы, а нечто более значимое. Эти бесчисленные альбомы являлись следами его жизни и доказательством того, что когда-то у него был отец. Как-то раз, заметив, как бережно он обращается с пластинками, Чонан сказал:

– Если я и пластинка упадем в воду, ты первым делом, наверное, спасешь пластинку.

Тогда Чонвон ответил: «Ясное дело». Пошутил, конечно. Никакая пластинка не могла быть ему дороже Чонана. Однако в мире, где брата теперь уже не было, самым ценным для него оставалась коллекция винила.

У Чонана, который был младше его на четыре года, было очень доброе сердце. После того как брат устроился в исследовательский центр, в честь первой получки он пригласил Чонвона в дорогой ресторан. Официантами там были роботы, и кто-то из гостей, подвыпив, пнул одного из них ногой. Чонан подбежал к упавшему роботу и поднял его с пола.

– Что ты так напрягаешься? Это же робот, – сказал тогда Чонвон.

Но Чонан ответил:

– У роботов, может, и нет сердца, но у людей ведь есть. Такой он был человек.

Yesterday Once More

Из шести тысяч альбомов, что принадлежали Чонвону, большинство собрал при жизни его отец, а сам он купил лишь около десятой части. Наблюдая за неукротимой страстью отца и старшего брата к коллекционированию пластинок, юный Чонан однажды спросил:

– Я еще понимаю покупать новые альбомы исполнителей, которые тебе нравятся. Но ведь вы скупаете даже пластинки тех певцов и музыкантов, о которых вообще впервые слышите! И даже не знаете, какая там музыка! Разве это нормально?

Конечно, нормально. Чонан, правда, понять этого не мог. Чонвон с отцом тогда, наверное, обменялись взглядами, значение которых было ясно только им. Взглядами, в которых скользила едва заметная улыбка. А отец рассказал младшему сыну об одном из множества способов выбрать хороший альбом, даже не слушая его. Совет был в том духе, что если на конверте пластинки есть изображение машины, то с альбомом не прогадаешь. Естественно, для Чонана, с его техническим складом ума, подобное утверждение было абсолютно неприемлемо.

Однажды, когда Чонан вырос и стал исследователем, он

ездил в Бразилию на научный семинар. В Рио-де-Жанейро он как-то заглянул в магазин пластинок, чтобы купить Чонвону подарок, – конечно, это был альбом. На конверте пластинки пылал огнем автомобиль. Чонан добрался до самой Бразилии, но его выбор пал не на легендарную южноамериканскую метал-группу Sepultura или Карлоса Жобима, создателя жанра босса-нова, а на альбом группы Lenine под названием Na Pressão: только по той причине, что увидел на обложке фотографию машины. Чонан даже не знал, что это был известный бразильский автор-исполнитель, прозванный гениальным гитаристом. Но он и без этого был уверен, что с очень высокой вероятностью выбрал хороший альбом. Как можно было просчитаться, когда в рукаве был метод, которому в детстве научил его отец?

Получив в подарок пластинку с горящей машиной на обложке, Чонвон усмехнулся. Будь рядом отец, они бы снова перекинулись понятными только им двоим взглядами, и от осознания факта, что это было невозможно, на него внезапно нашла тоска. Чонвон кладет пластинку на проигрыватель, и она начинает вращаться со скоростью $33\frac{1}{3}$ оборота в минуту. Вместе со звуком в бороздках винила высекаются и воспоминания.

В тот день, сняв с шеи туго затянутую веревку и спустившись со стула, Чонвон всю ночь слушал музыку. После того как доиграл сборник песен Lenine, который подарил ему брат, он отыскал *Now & Then*, альбом The Carpenters 1973 го-

да. На конверте этой пластинки тоже изображена красная машина, в которой сидит дуэт брата и сестры. Так одно воспоминание вызывает за собой другое. Альбом закрутился вокруг оси, и комнату заполнила знакомая уютная мелодия: «Эври ша-ла-ла-ла, эври воу-оу-оу». В английском он был не силен, но слова песни Yesterday Once More были довольно простыми и звучали относительно четко, так что уловить ее суть не составляло труда.

Ему вспомнилось кое-что из детства: отец любил радио. Сейчас желаемую музыку можно послушать когда душе угодно, но в те времена единственным способом было включить радио и ждать, пока заиграет любимая композиция. И когда наконец звучала песня, которую хотел услышать отец, его лицо озаряла улыбка. Тогда Чонвон этого не осознавал, но спустя годы понял: в те моменты отец был счастлив. Да и воспоминание это не было таким уж далеким.

Чонвону нравилась серия действий, предшествовавшая прослушиванию музыки. Нет, не просто нравилась – он любил этот ритуал. Вынув пластинку осторожными постукиваниями из бумажного конверта, Чонвон, словно проводя священный обряд, зажимает ее между широко расправленными ладонями – чтобы не оставить отпечатков пальцев, – и, повернувшись почти механически, помещает винил над проигрывателем, затем опускает. Последний шаг: взяв большим и указательным пальцами иглу, он аккуратно ставит ее на поверхность пластинки, и наконец... диск начинает вертеться,

пространство заполняет льющаяся из динамиков музыка, и лишь тогда Чонвон позволяет себе тихо выдохнуть. Он любил последовательность этих действий.

Музыка обладает некой силой, благодаря которой в ней сохраняются воспоминания и создаются истории. Например, когда слушаешь Астора Пьяццоллу, вспоминается старый друг, любивший Аль Пачино. А скрипичный концерт Мендельсона в исполнении Менухина или игра Артуро Микеланджели на фортепиано заставляет довольно отчетливо ощутить присутствие отца, которого сейчас уже нет рядом.

– Чонвон, ты слышал, как Микеланджели играет скерцо Шопена? Вообще он известен как специалист по Бетховену, но на самом деле настоящие сокровища скрываются в его Шопене. Редко встретишь пианиста, который может настолько умело соединить левой рукой ноты, играя трехдольным размером. Рубинштейн и Цимерман тоже великолепно играют, конечно.

Почему же отец, настолько утонченный в своих разговорах о музыке, ушел из жизни таким грубым образом? Слушая, как Микеланджели отплясывает левой рукой скерцо Шопена, Чонвон ощущал, будто он вернулся в детство и разговаривал с отцом. Но тот так и не дал ему ожидаемого ответа: почему он покинул мир именно так? Действительно ли не имелось иного выхода? Чонвон знал, что ответов на эти тщетные вопросы он никогда не получит, но они по-прежнему не выходили у него из головы.

Не отрывая взгляда от вращающихся пластинок, Чонвон слушал музыку ночь напролет. Когда в какой-то момент за окном стало пробиваться туманно-белое утро, он вдруг осознал, что провел с наслаждением время, которое, возможно, больше никогда не повторится. Однако даже эта мысль не заставила его полностью отказаться от решения исчезнуть.

Просто.

Ненадолго.

Отложить.

По комнате разливался бледный рассвет. Чонвон смотрел на пластинки, заполнявшие одну из стен, и верил, что они тоже в некотором смысле живут. Его отца, матери и брата уже не было в этом мире, но каждый из них все еще оставался в форме воспоминаний, заключенных в этих альбомах. А если уйдет еще и он? Что тогда станет с оставшимися пластинками? Конверты-то бумажные, их хотя бы еще можно переработать, а вот сами диски из поливинилхлорида – не получится. Чонвон не мог позволить, чтобы связанные с каждым альбомом воспоминания превратились в бесполезный мусор.

Как-то раз Чонан сказал, что, даже если у роботов и нет сердца, у людей оно есть, а потому можно сколько угодно чувствовать грусть и жалость по поводу сломавшегося робота, это и делает нас людьми. Чонвон снова оживил его слова в памяти.

В мире этом беспокойном...

Было ли чистой случайностью то, что, ненадолго отложив решение умереть, Чонвон набрел именно на Пунчжиндон? «Пунчжин» (##) дословно означает «пыль, разлетающаяся по ветру». А если заглянуть в словарь поглубже, можно найти выражение «Пунчжин сесан», переводимое как «беспокойный, погруженный в хаос мир». Смутно вспоминается, как в далеком прошлом отец, в легком, приятном опьянении, напевал себе под нос песню², в которой упоминалось это выражение:

*В мире этом беспокойном
О чем мечтания твои?
Вкусив богатства и почета,
Насытишься ли ты?*

Для Чонвона этот мир тоже был полон смятений и тревог. Наверное, как раз поэтому название района Пунчжиндон отозвалось в его душе неким умиротворением.

Расположившийся под горой Пунчжиндон фактически относился к Сеулу, однако на город похож не был: по фотографиям района ни за что не догадаешься, что это часть

² «Песнь надежды» (кор. ###) – популярная южнокорейская песня.

столицы. Из всех районов мегаполиса он считался самым отстающим, благодаря чему каждые выходные сюда наведывались блогеры-фотографы и ютуберы, вооруженные камерами с гигантскими объективами. Запечатленные ими пейзажи старого Пунчжиндона в соцсетях становились «эстетичным» контентом. И все же, каким неразвитым ни было бы это место, Сеул есть Сеул, и до недавнего времени бушевали разговоры о полной реконструкции района как о чем-то само собой разумеющемся. Однако в нескольких зонах строительство осложнялось непосредственной близостью к горе, а что самое важное, владельцы земли были настолько упрямы в своих запутанных требованиях, что соглашение по плану реконструкции, который удовлетворил бы всех, казалось недостижимым с самого начала. В итоге строительная компания, привлеченная к проекту, за это время обанкротилась, и сейчас Пунчжиндон находится в режиме прекращения огня. Все жители, которые из-за этого изнурительного процесса собирались уехать, уже уехали, и торговое здание у въезда в район по большей части пустовало. Благодаря этому Чонвон смог без проблем выбрать себе свободное помещение и внести арендную плату за два месяца вперед без залога. Хозяин агентства недвижимости, занимавшийся сделкой вместо владельца здания, попросил за двухмесячную аренду два миллиона вон, но молчание клиента вынудило его тут же снизить сумму на пятьсот тысяч. Когда риелтор спросил, чем Чонвон собирается заниматься в этом безлюдном районе, он

кратко ответил, что будет продавать виниловые пластинки. «На этом разве заработаешь?» – усомнился хозяин, на что Чонвон признался: «Не знаю». Сказал он так не потому, что было лень объяснять, а потому, что правда не знал.

Спустя два месяца после того, как Чонвон решил покончить с собой, он все еще оставался в живых. Из-за того, что до сих пор не продал все пластинки? Совсем нет, все вышло наоборот: как бы трудно ни было в это поверить, дело Чонвона, что называется, выстрелило. Немыслимо. Как вообще, с точки зрения здравого смысла, мог выстрелить магазин подержанных пластинок? Да, в последнее время стабильно растет количество молодых людей, в погоне за аналоговой эстетикой коллекционирующих винил, но это не значит, что это стало массовым явлением. Тем не менее и в такой ситуации магазин день за днем продолжал пользоваться все большей популярностью. В итоге Чонвон прожил еще десять месяцев вдобавок к обещанным двум и даже был приглашен Федерацией микропредприятий Кореи провести лекцию для индивидуальных предпринимателей, да еще и в качестве «успешного бизнесмена», стать которым у него никогда не было и в мыслях.

Кто бы предположил, что человека, еще год назад пытавшегося свести счеты с жизнью, будет ждать такое будущее? Не то что предположить – он и помыслить об этом не мог. Но в конце концов у Чонвона не выдалось подходящего времени умереть, и он продолжал жить. А что важнее – не он один.

Мы все хотим изменить мир, но никто не желает изменить самого себя. Говорят, эти слова принадлежат Толстому. На лекции для владельцев малого бизнеса Чонвон признался, что изменился благодаря тем немногим своеобразным людям, которых повстречал в своем магазине пластинок. Также он с уверенностью сказал, что, хоть и не имел подобных намерений, благодаря его изменениям в себе изменилась и частичка этого мира.

Стук капель по оконному стеклу заставил Чонвона поднять голову. В дождливые дни он иногда слушал пластинку, которую любил его отец. На ее конверте была изображена площадка смотровой башни, подобно клетке для птиц окруженная железной сеткой, а внутри нее – певица. Это был знаменитый альбом Ли Ёнсиль 1973 года, также известный под названием «Смотровая башня».

Однажды Чонвону стало интересно, чем сейчас занимается эта исполнительница, и он попробовал найти информацию о ней в интернете. Но, как ни странно, о дальнейшей карьере певицы, которую называли легендой фолка 70-х, обнаружить почти ничего не удалось. Кто-то из пользователей сети пришел к выводу, что жизнь у нее, вероятно, была непростая, однако Чонвон считал, что невозможно строить предположения о человеке без каких-либо фактов. Внезапно ему стало интересно, знает ли Ли Ёнсиль, что и сейчас где-то есть люди, которых утешает ее голос, записанный на виниле полвека назад? Чонвон осторожно положил на пластинку иглу,

и по магазину разлилась песня:

*Где же был мой сынок?
А где – мои доченьки?
Я бродил по туманным горам.
Я ступала по глиняным тропам.
Среди темного леса стоял.
Окуналась в синее море.
Ливень, ливень, ливень льет.
И конца ему не видно.*

Когда Чонвон впервые услышал в детстве эту композицию, голос Ли Ёнсиль вызвал в его душе неподдающееся описанию чувство, но если бы его все же пришлось описать, то оно было бы противоположно радости и счастью. Юный Чонвон об этом и не подозревал, но, пока он слушал «Ливень», отец внимательно следил за выражением его лица и все ждал, ждал. Отец знал, что обычно безэмоциональное лицо Чонвона меняется лишь тогда, когда он слушает музыку. И эта едва уловимая перемена была заметна лишь ему.

Песня закончилась, и отец поставил другую пластинку:
– Чонвон, послушай еще эту.

Игла начала царапать новую бороздку, и послышался знакомый мужской голос. Вдруг брови Чонвона вздрогнули. Такой реакции и ожидал отец.

– Это та же песня, разве нет?

Играла A Hard Rain's A-Gonna Fall Боба Дилана – ком-

позиция, на основе которой был создан звучащий до этого «Ливень», поэтому их мелодии были похожи. Чонвон не понимал значения английских слов, но все же чувствовал необъяснимую грусть. Было удивительно, как еще больше его вводило в тоску то, что песня, наоборот, звучала довольно бодро.

В детстве Чонвону с трудом удавалось естественно выражать на лице свои эмоции. Но через музыку, которую давал ему слушать отец, он смог прочувствовать и осознать, что у людей существует столь же много эмоций, как на ночном небе звезд. В тот день, тихонько глядя Чонвона по голове, отец сказал, что из всех изобретений человека нет ничего более великого, чем музыка.

Каждая композиция наделена собственной жизнью, и она по-своему ее проживает. Какие-то песни вскоре забываются, а какие-то выживают, переходя из одной формы в другую, и становятся чьими-то воспоминаниями. Сидя перед проигрывателем, Чонвон наблюдал за вращающейся пластинкой и думал о Чонане. Однажды брат спросил:

– Как думаешь, воспоминания делают нас сильнее? Или становятся грузом?

Тогда Чонвон не смог ответить сразу. Но если бы сейчас ему задали этот вопрос снова, он бы не раздумывая ответил: «Конечно, делают нас сильнее».

Токката и фуга ре минор, BWV 565

О том, что он и брат указаны бенефициарами в целых трех договорах страхования жизни, Чонвон узнал лишь после того, как его навестил сотрудник страховой компании. Сумма выплаты, полагававшейся им в связи с гибелью родителей в аварии, была настолько крупной, что с трудом укладывалась в голове девятнадцатилетнего Чонвона. Но проблема заключалась в том, что отец оставил за собой кредиты. Представившийся другом отца нотариус посоветовал сначала отказаться от наследства вместе со всеми долгами и после этого получить целиком страховую выплату. Чонвон, однако, упрямо настаивал на том, чтобы получить сперва деньги и расплатиться с оставшимися задолженностями. К тому моменту он как раз уже считался совершеннолетним, и потому с точки зрения закона это было возможно. После всех подсчетов стало ясно: для комфортной жизни суммы было бы недостаточно, но зато ее хватало полностью покрыть все долги. Чонвона обрадовала возможность погасить отцовские кредиты, однако нотариус был другого мнения. В итоге Чонвон остался непреклонен, и друг детства отца распрощался с ним, сказав, что больше ничего для него сделать не может. А перед уходом добавил:

– Ты, наверное, считаешь, что защищаешь этим честь покойного отца. Но разве о чести он беспокоился в свои последние моменты? Я думаю, нет.

Чонвону было все равно, о чем беспокоился отец. Он так его любил, а тот в итоге оказался предателем, – как и мать, которая не смогла его остановить. Ладно еще отец, но о чем думала она? Наверняка сказать нельзя, но, скорее всего, изначально отец собирался уйти один. А мама, похоже, догадалась о его намерении: отец никогда не мог утаить от нее даже самой маленькой лжи. И, судя по всему, в последний момент вместо детей она выбрала присоединиться к нему. Видимо, покидавшего нас отца ей было жаль больше, чем остававшихся одних сыновей. Ну или она не представляла жизни в мире, где его нет... И все же что бы ими ни двигало, не следовало так поступать. В какой бы тяжелой ситуации они ни находились, бросить детей было непростительно.

Конечно, Чонвон понимал, что причиной всему стали деньги, – и именно поэтому ему особенно не хотелось, чтобы они диктовали его жизнь. Убеждение нотариуса в том, что он поступил так ради сохранения отцовской чести, было неверным. Чонвон всего-навсего не хотел сам стать жертвой денег, сломавших жизнь его отца.

Суицидальные наклонности у Чонвона время от времени проявлялись с подросткового возраста – еще до того, как погибли родители. В школьные годы он даже как-то пытался совершить самоубийство, но успеха в итоге не достиг. Возможно, на самом деле ему тогда умирать и не хотелось. Это странное состояние, когда серьезного намерения покончить с собой у него не было, но мысли о суициде не останавливались, продолжалось довольно долгое время. Поначалу он предполагал, что это могло быть побочным эффектом, возникшим в ходе смягчения его детских проявлений аутизма до уровня недостаточно развитых социальных навыков, – процесс, который его родители воспринимали как чудо.

Однако, как ни парадоксально, после тщетной гибели родителей Чонвон о самоубийстве не задумывался. Все потому, что в наследство ему достались не только колоссальные долги и внезапно свалившаяся страховая выплата: помимо этого, рядом с ним оставался единственный во всем мире младший брат, о котором он должен был заботиться.

Будучи подростком, Чонвон, подобно Хемингуэю, подозревал, что он унаследовал «ген самоубийства». Это объяснило бы и завуалированный под несчастный случай суицид родителей: мол, в конце концов все дело было в генетике. Однако стоило Чонвону взять на себя ответственность за брата, от опасных побуждений удалось избавиться, и впоследствии

ему даже пришла мысль, что хорошо бы совсем отменить вероятность того, что эта проблема была врожденной.

Для Чонвона жизнь без родителей не представлялась настолько романтической, чтобы задумываться о чем-то вроде смерти. Страховая выплата целиком ушла на погашение долгов, и теперь, чтобы выжить, Чонвону приходилось браться за любую работу. Хорошо еще, что он никогда не возлагал больших надежд на учебу: теперь ему было не так обидно работать в то время, пока другие учились. А вот Чонан, наоборот, имел к этому способности, и потому, когда он решил подрабатывать репетиторством, Чонвон пылко запротестовал и заявил, что будет обеспечивать младшего брата сам. Так благодаря его стараниям Чонан доучился до магистратуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.